

РОМАНТИЧЕСКАЯ
КОЛЛЕКЦИЯ

Джон Остин

ЖЕНА-
НЕЗНАКОМКА

МОСКВА
2018

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
О-76

Emily Austen
WAR AND LOVE

Copyright © Emily Austen
All rights reserved

Литературная обработка *Н. Насоновой*

Художественное оформление серии *А. Старикова*

В оформлении обложки использованы иллюстрации:
Yoko Design / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Остен, Эмилия.

О-76 Жена-незнакомка / Эмилия Остен. — Москва: Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-098721-4

Раймону никогда не снилась война – ратных подвигов шевалье де Марейлю хватало и наяву. Во снах же к нему приходила прекрасная незнакомка. И... сурового женоненавистника Раймона это не раздражало! Другое дело предстоящая встреча с супругой. До свадьбы они даже не были знакомы, а сразу после заключения брака де Марейль отправился на войну. И вот спустя два года он возвращается домой. К жене, лицо которой он помнит так же смутно, как и лицо незнакомки из сна. Какая же она на самом деле, Жанна де Марейль?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-098721-4

© Насонова Н., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Франция, 1643 год

Глава 1

Сначала примчался гонец и привез письмо. В нем коротко и зло Раймон сообщил, что возвращается, и больше ничего. В этот раз он даже опустил те цветистые выражения, которым, без сомнения, обучают всех шевалье с детства, дабы перед дамами не позорились. Раймону было все равно, опозорится он перед женой или нет. Он желал прислать ей весть, и только.

Потом приехал один из его слуг — запуганный, полуоглохший юнец лет семнадцати, который шаркался от каждого звука и бормотал нечто неразборчивое, когда думал, что его никто не слышит. Этого мальчишку, только нюхнувшего пороху и запомнившего свои первые сражения накрепко, было жалко, однако он кое за что отвечал: вместе с ним прибыла пара сундуков и короткая записка. Тот, что со львом на крышке, трогать ни в коем случае не следовало; другой надлежало открыть. В нем обнаружили кое-какие книги, поношенная одежда, ее немедленно отдали прачкам, шпага, пара ножей и перевязанная лен-

той стопка писем, в которых Жанна сразу узнала свои.

— Он все-таки хранил их, — задумчиво произнесла она, взвешивая пачку на ладони. Не такая уж легкая, надо признать.

— А ты полагала, что он разжигает ими костер, милая? — осведомилась Элоиза, чуть приподняв бровь.

— Уж точно не хранит.

— Он тебя удивил. Может быть, и дальше все будет не так плохо.

Жанна вздохнула и отложила письма, чтобы позже отнести их в кабинет.

Кабинет тоже придется освободить... За два года Жанна сама не заметила, как привыкла чувствовать себя хозяйкой замка, но в особенности — этой большой светлой комнаты с окнами на реку. В кабинете было хорошо проводить солнечные утра, и насыщенные дни, и спокойные вечера. Большой стол со множеством выдвижных ящичков, где хранились письменные принадлежности, послания, маленькие секреты и памятки, вроде речных камней. Шкафы с книгами, что обитали не в библиотеке, а здесь: золоченые переплеты, тускло отсвечивающее стекло. Иногда Жанна засиживалась в кабинете за полночь, когда весь дом уже спал крепким сном и тишину разгонял лишь скрип

пера да тихие ругательства, если случилось поставить кляксу.

— Я не думаю, что все будет плохо, — объяснила Жанна Элоизе, заглядывая в сундук — не скрывается ли что еще в его темных углах? Ничего больше не было. — Все уже не слишком хорошо.

— Милая, тебе не следует забывать, что именно стоит на кону, — мягко заметила Элоиза.

— Я об этом никогда не забываю.

— Тогда стоит молиться и просить помощи у Бога... или ругаться и жить так, чтобы черти в аду восхищенно аплодировали.

— Если бы я хоть немного знала его, Элоиза. Я могла бы предсказать.

— Ну что ты, моя дорогая. Ты и так можешь. Мужчины весьма предсказуемы. Он не говорит, почему возвращается, но как только ты это выяснишь, сможешь понять, как с ним обходиться. Если ему наскучила война, ты сделаешь его жизнь интересной здесь. Если он ранен, ты будешь ухаживать за ним. Если он получил приказ, ты смиришься.

Жанна невесело усмехнулась.

— Ты, как всегда, мудра, моя любезная наставница... И все же — ты уверена, что нам не следует сбежать в Руан, пока не поздно?

— Нет, милая. Уже слишком поздно.

Жанна и сама это прекрасно знала.

— Что же, тогда, как хорошей жене, мне остается радостно встретить супруга.

— Возможно, следует остановиться, ваша милость?

— Едем.

— Ваша милость!..

— Едем, Норбер.

Слуга недовольно поджал губы, но приказ исполнил. Он всегда подчинялся приказам, за это Раймон его ценил. Поворчит, как старый дед (а ведь на год младше хозяина!), придумает, рыжий сатир, какую-нибудь каверзу, однако подчинится беспрекословно, даже если полагает содеянное полнейшей глупостью. Как сейчас, например.

Норбер вежливо советовал остановиться еще утром, послать в Марейль за каретой, дожждаться ее и в ней уже прибыть домой — чего же странного? Но Раймон не мог ехать по своим владениям в карете, словно придворный щеголь, никак не мог. Он ненавидел кареты, их легкомысленный дух, их потворство. Мужчина должен ездить верхом, ибо это — тренировка и закалка воина. А он, Раймон де Марейль, воин. Будь он проклят, если позволит кому-то в этом сомневаться!

И так уже поводов достаточно.

Поморщившись, он выпрямил спину и пришпорил лошадь. Великолепная арабская кобыла Сирена, верой

и правдой служившая вот уже год, вскинула благородную голову, топнула не менее благородной ногой и перешла на рысь. От ее ровной, красивой рыси, которую Раймон так любил, сейчас мутилось в голове, а из желудка поднималась кислая волна.

Ну уж нет, он не сдастся. И хуже бывало.

Сейчас Раймон очень не любил себя самого. Можно сказать, ненавидел.

Бренное тело, вместилище духа! Чтоб ее, эту оболочку, которая и является источником его бед! А он еще втайне недоумевал, когда Бальдрик говорил ему о том, как тело превращается в тюрьму. Раймон не верил, посмеивался слегка. С ним-то такого не случится никогда, он если и пострадает на поле брани, то уж сразу насмерть. И дух вознесется к небесам, ликующий и свободный. Лучше бы так и произошло.

Ладно, ему повезло больше, чем Бальдрику, и надо лишь выполнить пожелание Гассиона — и не являться пред маршалом, пока тот не остынет. Гассион его почти проклял на прощание, тем особым проклятием, что возможно лишь между давними и верными соратниками. Звучат такие слова, когда не находится иных доводов, чтобы достучаться до разума друга. Раймон понимал, что хотел от него командующий, однако понимать и принимать — две совсем разные вещи.

Он был зол на весь свет. Хорошо хоть, до Марейля осталось совсем немного.

Долина, в которой стоял замок, открылась перед Раймоном внезапно — он просто потерял счет времени, а когда очнулся, оказалось, что уже почти приехали. В лучах послеполуденного солнца летний пейзаж не просто купался — он нежился, тек яркими красками, ослеплял бликами на воде мелкой речушки, притока Сены. Вдоль дороги, спускавшейся с холма к воротам старой крепости, росли мелкие полевые цветы. В последний раз Раймон их наблюдал, лежа в траве навзничь и немного опасаясь пошевелиться. Воспоминание было не из приятных, а потому шевалье отвернулся от цветов.

— Вот и дом, — промолвил Норбер.

Дом, верно. Раймон не был здесь... да, больше двух лет. Он уехал отсюда в апреле сорок первого года, чтобы жениться на девушке из рода де Кремьё, а сейчас июнь сорок третьего — и вроде бы ничего не изменилось. Пейзаж плавился и струился, и Раймон не мог понять, это от жаркого воздуха или же от мерзкой слабости.

Сирена, будто чуя настроение хозяина, перешла на быстрый шаг, и Раймон безмолвно поблагодарил ее за это. Не хватало упасть с лошади сейчас, на виду у своих людей — в том, что его уже увидели со стен, сомневаться не приходилось. Старый седой замок, чьи стены кое-где обвил плющ, даже в отсутствие Раймона содержался

в полном порядке и был все той же неприступной маленькой крепостью, которую можно оборонять много дней подряд. Об исправности всех служб, охране и доходах супруга писала Раймону в армию, и он читал эти послания с плохо скрываемым удовлетворением. Дом должен быть крепостью, даже если на вид он самая настоящая крепость и есть.

Ворота начали открываться только тогда, когда Раймон с Норбером въехали в падающую от замка тень: в жаркий полдень она казалась особенно густой и желанной, однако прохладой тут и не веяло. Словно на юге, когда даже ветер несет обжигающий жар и не приносит облегчения. Древний мост не поднимали уже лет двести, и он врос в берега над наполненным рвом, украшенным камышами и ряской. Увидев толстые листья кувшинок, на длинных ногах поднимавшиеся из темно-коричневой воды, Раймон вдруг подумал: «Я дома».

Давно он не испытывал этого чувства.

Ворота приоткрылись ровно настолько, чтобы впустить двух всадников, и снова закрылись за их спинами. Гулкий туннель, где в прошлые века обливали осаждающих горячей смолой и кипящим маслом, вел в просторный двор. Вот здесь было прохладно — толстые стены хранили в себе зимние холода, и весенние дожди, и ветреные майские дни. Раймон несколько раз моргнул, пытаясь вернуть зрению ясность. Он слишком устал,

чтобы действительно насладиться своим возвращением, и от противоречивости собственных чувств испытывал злость. Раймон любил свой дом, однако не желал сейчас здесь находиться. Совсем.

Во дворе уже ждали конюхи — поклонились, поприветствовали хозяина, взяли лошадей под уздцы и подождали, пока всадники спешатся. Ощувив под подошвами сапог стертый камень, Раймон еле устоял и на мгновение вцепился в седло, однако тут же обрел равновесие. До комнаты, где можно остаться одному и закрыть глаза, оставалось совсем немного, и не годится падать почти в самом конце пути.

На ступеньках, ведущих в основные помещения замка, никто не ждал — а вот сразу за дверьми несколько человек и обнаружилось. Раймон после яркой улицы видел их, словно оплавленные свечи в сумеречной полутьме. Лица расплывались, как давешний пейзаж, и не удавалось уловить черты. Это можно будет сделать потом.

— Ваша милость, — присела в реверансе невысокая свеча, светлая, будто лунный луч, — добро пожаловать домой.

Раймон кивнул. Ему не хотелось никаких слов.

— Мои покои подготовлены? — отрывисто спросил он.

— Они всегда ждали вас.

— Хорошо.

Не утруждая себя более общением, он направился к лестнице, ведущей на второй этаж, — там располагались спальни и личные гостиные хозяев. Раймон не слышал шагов Норбера — слуга передвигался бесшумно, — однако знал, что тот здесь, идет след в след, будто бы на разведке. Эта мысль приободрила.

Спальня — знакомое до последнего угла пространство, с окном, через которое лился щедрый медовый поток, — показалась Раймону самым прекрасным местом на свете. И пускай он не хотел ехать сюда, пускай, зато кровать уже совсем рядом. Он присел на край, услышал, как что-то сказал Норбер, однако это было теперь неважно.

Некоторое время Жанна и Элоиза стояли, не шевелясь и слушая, как шаги хозяина затихают на лестнице. Потом переглянулись. Немного растерянные слуги топтались рядом, и Жанна взмахом руки отпустила всех.

— Это было... впечатляющее явление, — пробормотала она.

— Куда уж лучше, — язвительно согласилась Элоиза. — Кабан-секач в лесу и то более вежлив.

— Ты когда-нибудь видела кабана-секача?

— Нет, но у меня хорошее воображение.

Жанна усмехнулась. Честно говоря, ее воображение гораздо хуже, чем у Элоизы, потому что такой встречи с супругом она себе представить не могла. Она готовилась к тому, что муж будет недоволен, или что он, наоборот, обрадуется, что захочет отдохнуть, пообедать или же узнать о делах в замке, — но только не к тому, что он прошествует мимо, едва скользнув по ней взглядом.

Жанне показалось: он ее даже не узнал.

— Наверное, он устал с дороги, — вслух произнесла она. — Мы позже все выясним у его слуги.

— Или не выясним, — пожала плечами Элоиза, — такие слуги весьма скрытны, если преданны своему хозяину. Например, я. От меня бы они ничего не узнали.

— Ты не служанка, ты моя родственница. И я не потерплю этого унижения.

— О, милая моя, это была всего лишь тонкая ирония, всего лишь.

— Нам следует заняться своими обычными делами, — рассеянно сказала Жанна, глядя на лестницу, как будто на каждой ступеньке ее лежали ответы. — Позже я поднимусь к супругу и спрошу, как он себя чувствует.

— Возможно, не слишком хорошо.

— Да, он... другой. Я помню его другим.

Элоиза еле заметно вздернула бровь и сказала со значением:

— Он тебя — тоже.

Глава 2

Через два часа, оставив Элоизу с книгой в гостиной, Жанна подошла к дверям покоев супруга и негромко постучала. Она уже знала, что слуга, приехавший с Раймоном, затребовал таз с водой, подогретое вино и еще кое-какие мелочи, однако никого к хозяину не впустил. Но, может, жену впустит?

За массивной дубовой дверью, украшенной резьбой (виноградные лозы и чаши, корзины и цветы), не было слышно ни звука. Иногда замок казался Жанне чересчур укрепленным местом: не завоюешь, не подслушаешь, не подкрадешься. Она улыбнулась своим мыслям. Зачем ей подкрадываться? Она тут хозяйка.

Дверь приоткрылась, и высунулось широкое веснушчатое лицо. Круглые глаза, похожие на совиные, с любопытством смотрели на нее. Слуга Раймона не торопился распахивать дверь и приглашать хозяйку в комнату, просто глядел, что еще усиливало его сходство с птицей.

— Я мадам де Марейль, — произнесла Жанна спокойно. — Могу ли я увидеть своего супруга?

— Мадам, — слуга кивнул, и рыжая челка свесилась на лоб, тоже веснушчатый. — Боюсь, сейчас это невозможно. Мой господин отдыхает.